

# ЕЛЕНА ДОНЦОВА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ    ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

МЕРТВЫЕ В ПРЯТКИ  
НЕ ИГРАЮТ



Елена Донцова

**Мертвые в прятки не играют**

«Центрполиграф»

2010

**Донцова Е. Д.**

Мертвые в прятки не играют / Е. Д. Донцова —  
«Центрполиграф», 2010

Сбежав от семейных неприятностей в Канны, Вероника наткнулась там на своих школьных подруг Сашу и Юлю. Отметив встречу, подруги отправились на Сашину виллу. Под утро Вероника вдруг поняла, что эти женщины вовсе не ее подруги. Кто же они и зачем заманили ее на виллу? В страхе пытаясь сбежать, в одной из комнат она обнаружила настоящих Юлю и Сашу. Оказалось, что неизвестные люди держат их в плену под угрозой расправы с семьями. Подруги все еще не знают, чего от них хотят, но когда к ним присоединилась четвертая одноклассница, женщины, не сговариваясь, вспомнили, как много лет назад поздним вечером в школе они затеяли игру в прятки и пятая девочка бесследно исчезла.

© Донцова Е. Д., 2010  
© Центрполиграф, 2010

# Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

# Елена Дмитриевна Донцова

## Мертвые в прятки не играют

*Моим родителям*

\* \* \*

В начале первого часа ночи вдоль набережной по бульвару Круазетт брела озябшая и очень печальная женщина. Ее лицо освещали сполохи фейерверков, что все еще бушевали далеко в море, выпускаемые в темное небо с нескольких платформ. Вокруг нее не смолкали радостные крики на всех языках мира – начался новый, 2009 год. Праздничные столы стояли везде: на набережной, на уходящих в море пирсах, за сияющими витринами ресторанов. Повсюду смех, объятия, яркие одежды.

И только ей на этом празднике жизни не хватило места. Вероника давно уже промерзла до костей, пальцы потеряли чувствительность в новых, специально к празднику купленных туфельках. Несколько раз она заходила в ресторанчики, но приветливые метрдотели бросались к ней с извинениями: мест нет и не предвидится, мадам стоило забронировать столик заранее. Порывом ветра с моря у нее выдуло линзу из правого глаза, и это оказалось последней каплей. Женщина тихо заплакала посреди всеобщего радостного ликования.

А как она готовилась к этому празднику! Выбирала наряд, продумывала праздничное меню, покупала елку и елочные игрушки. Муж задерживался на переговорах в Германии, сначала обещал вернуться за пару дней до Нового года, потом тридцатого, потом тридцать первого... Сперва Вероника ничуть не беспокоилась – нет, она даже была довольна, что муж далеко и не раздражается лишним раз из-за всей этой предновогодней суеты. Ведь нужно было пройтись по магазинам с детьми, купить им подарки, позаботиться о небольших презентях для няни и приходящей прислуги. И чтобы после всех хлопот выглядеть соблазнительной и свежей, – сделать маникюр-педикюр, маску для тела, маску для лица, массаж, прическу...

Нервничать она начала только тридцатого, после того как муж на ее робкий намек, что пора бы ему уже воссоединиться с семейством, резко ответил, что даже не предполагает, когда вообще сумеет освободиться.

– А что, разве твои партнеры в Германии еще не разошлись на рождественские каникулы? – робея от его раздражения, спросила она.

– Какие к черту каникулы? – еще больше раздражился муж. – Это только русские могут думать о праздниках, когда в мире кризис!

– Не заводись, Андрюша, – взмолилась она самым кротким голосом, на который была способна. – Только скажи, когда же ты вернешься? Все-таки семейный праздник, дети тебя ждут.

– Черт возьми, да оставьте вы меня в покое с этим дурацким праздником! – заорал муж и бросил трубку.

Рука с телефоном без сил упала на колени. Вероника сидела в неловкой позе и думала о последних словах мужа. Что же это он имел в виду? Кто достает его с праздником, если, по его же словам, немцы думают только о кризисе? Значит, есть кто-то другой, а скорее другая, кто тоже звонит, дергает, и только что муж случайно проговорился. Потому и трубку швырнул: он всегда так делает, когда в разговоре сболтнет лишнее. Будь виновата она, муж бы трубку не бросил и не успокоился, пока не дождался от нее слез и покаяния... Не владея собой, в плену ужасных подозрений, она на одном дыхании написала мужу сообщение: «Праздник отменяется. Можешь вообще о нем забыть».

Через минуту пожалела, конечно, тем более что ответа на свой выпад она не получила. И стало ясно, что эта ссора исчерпает себя не скоро и извиняться за конфликт придется тоже ей. Что ж, она извинится, не впервой. Но только не сегодня и не завтра, потому что на Новый год муж теперь уж точно не приедет. Своим непростительным поведением она сама подписала ему увольнительную на все праздники.

Так и случилось. Муж позвонил сегодня в девять вечера, сухо попросил позвать к телефону детей, поздравил их и тут же отключился. Все, что перепало ей: торопливое бормотание сынишки Славика:

– Папа сказал, чтобы мы с Зиной поцеловали тебя за него!

– За себя лучше поцелуйте, – вздохнула Вероника, крепко прижимая к себе сына и дочь и усилием воли удерживая закипающие в уголках глаз слезы.

Потом она возилась с детьми, раздавала подарки, водила хоровод вокруг искусственной, слишком уж зеленой елочки, и этим немного отвлекалась от грустных мыслей. Но в одиннадцать вечера дети начали засыпать на ходу. Они на пару с няней быстро отмыли их мордашки от сливок и шоколада и рассовали по постелям.

Вот тут Веронике и сделалось совсем худо. Впереди ее ожидала бессонная ночь, полная страхов и тоски, лихорадочных мыслей о том, как вернуть любовь мужа, которая, она чувствовала, в последнее время совсем истощилась. И она так испугалась этой ночи, что вдруг приняла решение: она оставит детишек с няней, а сама поедет в Канны, посмотрит новогодний фейерверк, посидит в каком-нибудь ресторанчике. Кто же мог подумать, что получится еще хуже?

И вот теперь она брела куда-то без всякой цели на онемевших ногах и думала: а не броситься ли ей в море? Потому что дожить до утра на этих праздничных улицах казалось Нике делом невыносимым. А вернуться домой она не могла: без одной линзы все вокруг двоилось и расплывалось. Женщина чувствовала, что непременно попадет в аварию, а это гораздо хуже, чем мирно сгинуть в морской пучине. Так думала Вероника и на всякий случай подальше уходила от моря, от набережной, в глубь города.

Она сделала еще одну попытку осесть в теплом местечке. Свернула с набережной на одну из маленьких улочек, названия которой она не знала, но которая соединяла бульвар Круазетт с улицей Антиб. Вероника помнила, что где-то на этой скромной улочке укрылся небольшой уютный ресторанчик, – они были там с мужем несколько лет назад, когда только поселились в Мандельё.

Ресторанчик оказался на месте. Сквозь огромную витрину с нарисованным Санта-Клаусом Вероника углядела свободный столик и бросилась к входу со всех ног. Ворвалась в теплый предбанник – и поняла, что опоздала. За столик как раз усаживались две богато одетые дамы, а к ней уже спешил официант с сокрушенным выражением на длинном усталом лице... Вероника медленно повернулась лицом к выходу.

– Титова! – вдруг услышала она женский голос – и не поверила своим ушам. Кто здесь в Каннах мог знать ее девичью фамилию? Ника замерла на месте и торопливо огляделась.

Одна из опередивших ее дам энергично махала рукой с зажатой в ней крохотной сумочкой. А пальцем другой руки она тыкала в стул между ней и подругой, приглашая присоединиться к компании. Вторая женщина, склонив голову набок и чуть подавшись вперед, шурилась на Веронику сквозь очки в модной дорогой оправе.

Вероника напряглась, но не сумела с ходу сообразить, приходилось ли ей когда-нибудь раньше видеть этих женщин. И все-таки сердце ее радостно подпрыгнуло в груди. Какое счастье не оказаться в такую ночь одной среди чужих, равнодушных к ее беде иностранцев! Женщины же эти явно ее знали, и были, сразу видно, одного с ней круга. А значит, не придется потом возить их по распродажам и за свой счет покупать подарки родне.

Официант расплылся в счастливой улыбке и склонился в полупоклоне, рукой указывая женщине направление. И Ника с робкой улыбкой сделала шаг к столику...

Женщины были веселые, цветущие, уже немного пьяненькие. Видно, это был их не первый за вечер ресторан. Одеты хорошо, все из новых коллекций, все приобретено в тех магазинах, где закупалась и Вероника, так что она могла бы с ходу оценить стоимость нарядов и той и другой.

– Мы знакомы? – полушепотом спросила она, останавливаясь у столика.

– Знакомы, знакомы, – ворчливо отозвалась одна из женщин, невысокая, слегка полная, с простым симпатичным лицом и пушистыми светлыми волосами, изящно заколотыми на затылке. – Совсем зазналась, Титова, чешешь мимо, по сторонам даже не смотришь. Давай падай на стул.

Вероника опустила на кончик стула, страдая от неловкости. Она-то считала, что женщины сразу назовут себя или она при ближайшем рассмотрении сумеет их узнать. А вот ничего подобного: она не узнала, а незнакомки вели себя так, будто представляться не имело никакого смысла. Ясно одно: они не жены Андрюшиных партнеров, потому что знают ее по прежней фамилии. А другими знакомыми Вероника за последние годы не обзавелась. И значит, ничего нет ужасного в том, что она не помнит этих женщин: люди с годами меняются, и не обязательно в худшую сторону. На этом и решила сыграть Вероника.

– Вот я перебираю в уме всех потенциальных красавиц из моего детства и юности, но, похоже, вы обе превзошли самые смелые ожидания, – с хитрым видом проговорила она.

Женщины переглянулись – и захохотали.

– Ну, загнула, Титова, – сквозь смех пробормотала светловолосая. – Всегда была хитренькая. Скажи уж просто: не узнаешь нас в этом гриме!

– Не узнаю, – согласилась Вероника, тоже смеясь. – Хоть убейте, не узнаю.

– Пятую школу помнишь? Седьмой класс?

«Черт возьми!» – подумала Вероника. Именно эту школу и этот класс ей меньше всего на свете хотелось вспоминать. Однако она кивнула.

– Ничего она не помнит, Сашка! – вступила в разговор вторая, темноволосая, с суховатыми чертами лица и недобрый взглядом выпуклых темных глаз. – Это мы с тобой сидели на месте, а она каждый год школы меняла. Ну как ей упомянуть каких-то школьных подруг?!

– Сашка? – потрясенно пробормотала Вероника и схватилась рукой за грудь. – Сашка Афанасьева? Неужели ты?

Перед глазами возникла тоненькая светловолосая девочка в форменном костюмчике. Вечно растрепанные волосы, удивленно распахнутые глаза. Глаза или смеялись, или блестели от слез – казалось, Сашка просто не умела находиться в состоянии покоя. Что общего между ней и этой холеной дамой?

А дама вдруг взвизгнула – и бросилась Нике на шею. Та смущенно погладила ее по плечу и почувствовала, как в уголках глаз скопились сентиментальные слезинки.

– Как же ты изменилась, – прошептала Вероника, отстраняясь и во все глаза рассматривая позабытую подругу. – А может, и вовсе не изменилась, не пойму. Стала такой красавицей. Волосы все такие же... непокоренные.

– Про волосы ты помнишь. – Женщина подняла руку, немного суетливо коснулась прически. – А все другое долго вспоминала. Да что мы о ерунде говорим? Эту красотку ты узнаешь?

Вероника перевела взгляд на вторую женщину. Что ж, теперь проще догадаться, кто она такая. Сашка Афанасьева дружила с Юлей Аксельрод. Та в школе была слишком высокой и чуть нелепой, с длинными руками и ногами, носила огромные очки в роговой оправе и голос подавала в основном у доски. Красавицей она так и не стала, но перемены были налицо. Вероника рискнула предположить, что это все-таки она.

– Юля? – проговорила робко, разглядывая темноволосую даму.

– Надо же, узнала, – как будто с неудовольствием протянула дама, неохотно разлепляя сжатые в нитку тонкие губы. – Видно, меня годы не так украсили, как Сашку.

– Да что ты! Небо и земля! – вскричала Вероника. – Девочки, как же я рада, что вас встретила! Да еще в такую ночь! Вы вообще тут какими судьбами?

– Я тут живу, – скромно сообщила Сашка.

– В Каннах! Да не может быть! А у нас с мужем вилла в Мандельё. Вот если бы раньше знать!

– Здорово, – горячо поддержала ее Сашка. – А то ведь иногда так скучно тут бывает. Хоть вешайся! Муж у меня француз, русских знакомых – вообще никого! Хорошо еще, на Новый год удалось Юльку к себе заманить.

– А где же твой муж? – спросила Вероника, для которой этот вопрос на текущий момент был особенно злободневен.

– А! – Сашка беззаботно махнула пухлой ручкой. – Загрузился шампусиком еще в прошлом году, так я его домой с водителем услала, чтобы не мешался под ногами. А то нам с Юлькой и поболтать-то некогда. А что насчет твоего?

– На переговорах в Германии, – заторопилась с ответом Вероника. – Не смог вырваться. И сам огорчился, и меня накрутил. Я уложила детей, оставила их с няней, а сама поехала проветриться.

– У тебя что, маленькие дети? – поразилась Сашка. – Моих-то уж в кровать не засунешь. Дочка в Англии учится, сын решил на праздники отца в России навестить. Они у меня от других браков, – уточнила она.

– Нет, мои еще совсем малыши, – с нежной улыбкой ответила Вероника. – А у тебя, Юль, есть дети?

– Мои дети – три магазина в Питере, – процедила Аксельрод и вздернула подбородок.

Вероника подумала: вот уж чей характер с годами ничуть не изменился к лучшему. Неужели до сих пор не может простить ее за то, что когда-то Вероника влезла в их с Сашкой многолетнюю дружбу?

– А я думала, ты в науку подашься, – машинально проговорила она и вдруг испугалась, что сейчас Юлия смешает ее с грязью. Язычок у нее и в детстве был ядовитый. Да и глупость Вероника сказала: какая наука в России в девяностых годах?

Но Юлия злиться не стала и ответила вполне мирно:

– Нет уж, спасибо, меня детки мои и так неплохо кормят.

А Вероника вдруг вспомнила, что в детстве на левой щеке у Юлии красовался уродливый шрам, похожий на гусеницу, – упала в детстве на стекло. Юлька страшно переживала и всегда старалась поворачиваться к собеседнику правой стороной. Теперь же – да здравствует пластическая хирургия! – от шрама не осталось и следа. Только кожа в этом месте казалась чуточку темнее.

– Девочки, что же мы сидим? – спохватилась Сашка. – Ведь Новый год, и еще нашу встречу необходимо срочно отпраздновать!

Она помахала официанту и, едва он подлетел к столику, бойко затараторила на французском. Очень скоро появилась на столе бутылка вина, бокалы и вазочки с салатами.

– Девочки, как же я рада вас видеть! – поднимая бокал, переливающийся всеми оттенками красного, с чувством произнесла Вероника. – Давайте выпьем, чтобы эта встреча была не последней!

– Давайте! – поддержала Сашка. – Хотя... мы ведь еще и не расстаемся, правда?

– А ты в курсе, что Татьяна Яковлевна умерла? – вдруг, как всегда некстати, влезла с вопросом Юлия.

– Кто это? – растерялась Вероника, чуть не роняя бокал.

– Да классная наша, кто же еще?! Все забываю, что ты с нами училась всего год и ни черта уже не помнишь!

– Нет, я помню, – ответила Ника и слегка покраснела. – Я многое помню. А школа-то наша как – стоит еще?

– Стоит, – скривилась Юлия. – Только она теперь буржуйская.

– Как это?

– Да просто. Школу и бывший интернат соединили пристройкой, обнесли высоченным забором, отхватили еще и часть парка, сделали там ипподром, теннисные корты, бассейн и еще черта в ступе. А в самом здании теперь пансион для детей о-очень высокопоставленных родителей. Туда привозят из Москвы и Питера, иностранцы учатся. Простому человеку теперь даже к забору не приблизиться. Охрана там – как в Кремле.

– Жаль Татьяну Яковлевну, – проговорила задумчиво Вероника. – Она ведь еще не старая была. Девочки, давайте помянем.

Не чокаясь, помянули. Помолчали немного. В этот момент большая красная машина проехала мимо кафе и скромно замерла в зоне видимости.

– О, это за нами транспорт вернулся! – воскликнула Сашка. – Вовремя, а то я уже что-то подустала праздновать. Мы же с девяти вечера на улице. Пора и до дому, до хаты.

Вероника с ужасом подумала о том, что сейчас снова останется одна. Но не успела она по-настоящему огорчиться, а Сашка уже кричала:

– Вероничка, ты, конечно, с нами, да?! И даже не вздумай отказываться!

– Да я и не отказываюсь, – с облегчением замотала головой Вероника. – Только утром я рано соберусь, ничего? Я за детей волнуюсь.

– Господи, о чем разговор! Мы что, думаешь, спать там собираемся? Разве что к утру уgomонимся, а тебя мой водитель доставит куда пожелаешь.

Они быстро прикончили бутылку и, весело хихикая, поддерживая друг дружку, как будто и впрямь были смертельно пьяны, устремились к машине. Ехать пришлось от силы минут десять. Вероника в общем-то не следила за направлением. Кажется, выехали из города и тут же остановились у ворот виллы, в честь праздника расцвеченной всеми цветами радуги.

– Выгружаемся! – весело завопила Сашка.

В холле мужчина, невысокий, чуть кривоногий, выскочил, как чертик из табакерки, своей стремительностью напугав Веронику. У мужчины было узкое острое лицо и волосы насыщенного черного цвета, похоже, крашенные, вьющиеся мелким бесом. Он улыбался во весь рот слегка пьяненькой улыбкой, демонстрируя белоснежные острые зубы.

– Вероничка, это мой Григ! – объявила Сашка, по-хозяйски обняла мужчину за талию и тут же заворковала баском, как с младенцем: – Гришенька, а что это мы не бай-бай? Немедленно в постельку, солнышко, не надо пугать тут людей.

А Сашенька еще немного посидит в гостиной с девочками. Сашенька сегодня встретила свою замечательную школьную подружку.

Мужчина шутовски отдал честь и мигом испарился.

– Он тебя понимает? – удивилась Вероника. – И ты же вроде по-французски нормально разговариваешь?

– Понимает, конечно, только на уровне кошек и собак – интонацию. Но ему нравится, когда я говорю по-русски. Знаете, девочки, поверьте моему опыту: мужчина не понимает женщину всегда! Но гораздо лучше, когда он не понимает ее на чужом языке.

– Сашка, ты всегда лучше всех нас разбиралась в мужчинах! – торжественно вскричала Ника.

После небольшой экскурсии они поднялись на второй этаж, где в гостиной уже ждал стол, обжитый, видимо, еще в прошлом году. Для Вероники к тому моменту уже все было как в

тумане. Голова сделалась тяжелой и постоянно заваливалась то на грудь, то на плечо. Голоса приятельниц звучали как через толстый слой ваты.

«Как неудобно-то, – медленно шевелились в голове мысли. – Я не досижу до утра. Вот отпрошусь в туалет, а по пути сяду на ту хорошенькую кушеточку в холле – и спа-ать».

– Ничка, взбодрись. – Юлия весьма болезненно ткнула ее кулаком в бок.

«Она всегда была грубой», – встряхнув головой, подумала Вероника и попыталась выпрямить спину. И вдруг странное чувство нереальности происходящего на мгновение отрезвило ее. Да полно, может ли такое быть, что они, три бывшие комсомолки, празднуют Новый год на Лазурном Берегу, на вилле одной из них?

– Девчонки, а это точно вы? – блаженно улыбаясь, спросила она.

Юля с Сашей переглянулись и захихикали. Потом Сашка замахала руками и закричала:

– Девочки, слушаем меня: планы меняются! Сейчас мы идем спатоньки, потому что некоторые из нас уже в кондиции, а у меня так просто мозг выключается! А утром встаем свеженькие и все вместе едем в Монако. Гуляем там, сидим в ресторации, а вечером играем по-крупному в казино! Отказы не принимаются!

– Как в Монако? – растерялась Вероника. – Я не могу в Монако, у меня дети!

– И что это меняет? С утра едем к тебе, берем детей, няню – и вперед. Там найдем, куда их пристроить.

– Ну, в Монако так в Монако, – не стала больше спорить Ника. Она уже наполовину спала.

Сашка проводила ее в гостевую комнату, выдала ночную рубашку и кое-какие косметические средства. На автомате Вероника приняла душ, привела в порядок лицо – и рухнула животом на кровать. В голове шумело, но в целом она чувствовала себя гораздо лучше, чем в начале вечера. Идея завтра отвезти детей в Монако ей положительно нравилась. Во-первых, не сидеть же им все праздники в доме, тогда как их российские сверстники вовсю бегают по елкам. Во-вторых, дети наверняка расскажут про поездку отцу – и пусть он знает, что она вовсе не горевала без него, а смогла толково и интересно провести время. Может, в другой раз призадумается, прежде чем оставлять жену на праздники в одиночестве.

Где-то под окнами хлопнула дверь, и Веронике показалось сквозь дрему, что какой-то мужчина скомандовал по-русски:

– Все, свободны!

И сразу после этого заработал мотор. Через несколько секунд все стихло.

«Интересно, откуда здесь взялся русскоговорящий мужчина? Неужели Сашка привезла из России какого-нибудь дворецкого или садовника?» – успела подумать Ника. Через секунду она уже спала глубоким и не слишком спокойным сном.

Вероника проснулась на рассвете и тут же села в кровати, по-турецки скрестив ноги. Сердце яростно колотилось в груди, по спине сползали струйки пота, а перед глазами еще мелькали смутные образы ночного кошмара. Но голова была на удивление ясной. Утро принесло ей совершенно четкое понимание: женщины, с которыми она вчера так весело отметила Новый год, никак не могут быть ее школьными подругами!

Вероника всегда любила фильмы, в которых герой взрослел и старел по ходу сюжета. Или вспоминал себя маленьким. Придирчиво вглядывалась в лица: попал ли режиссер в нужный тип или ограничился общим сходством? Чаше бывало второе, и Ника понимала: режиссер просто схалтурил, потому что типов внешности не так уж много, и подобрать похожих людей сложно, но можно.

Что ж, в данном случае типаж был подобран превосходно. Но все портили мелочи, которые за ночь словно заново воскресли в памяти Вероника. У Сашки, когда она хмурилась, над правой бровью появлялась складочка в виде птички. С годами складочке предстояло превра-

титься в морщинку. А у Юльки был лоб с шишечками, и ей почему-то не хватало сообразительности хотя бы завесить его челкой. Спрашивается, куда все это подевалось?

И еще – голоса. Сашка всегда говорила так, будто рассказывала интригующую и очень трогательную историю. Учителя обожали вызывать ее к доске, когда нужно было рассказать о подвиге комсомольца или, к примеру, о смерти Пети Ростова. К концу рассказа даже мальчишки боролись со слезами. В седьмом классе Сашка мечтала стать актрисой, и многие взрослые признавали, что, хоть дело это и гиблое, талант у девочки точно имеется.

А Юлька, наоборот, говорила всегда немного заполошно, «задавленным» голосом, словно ее грудную клетку сдавили железным корсетом. Позже Вероника узнала из какой-то передачи, что так говорят неуверенные в себе, очень мнительные люди, вспомнила Юлю – и удивилась. Если бы Веронику, как Юльку, называли гордостью школы, вундеркиндом и будущим светилом науки, – уж ей бы и в голову не пришло сомневаться в себе.

Какие были голоса у вчерашних женщин – Вероника уже не помнила. Чужие голоса.

Несколько раз Вероника пыталась оторваться от постели, но ноги так дрожали от страха, что она тут же падала обратно. Наконец, поднялась, трясась и громко клацая зубами, кое-как натянула на себя одежду. Она и знать не хотела о том, кто и зачем сыграл с ней такую странную шутку! Она даже согласна никогда в жизни не узнать об этом! Только бы выбраться и оказаться как можно дальше от этого дома. Но что-то подсказывало ей, что уйти отсюда беспрепятственно не удастся.

Первым делом Ника бросилась к окну, посмотрела вниз. В таком состоянии ей, кажется, ничего не стоило выпрыгнуть со второго этажа – лишь бы быстрее оказаться у ворот. Но вид сверху вмиг остудил порыв Вероники: дом опоясывала стеклянная галерея.

Ника выскочила в темный коридор и на ощупь поспешила туда, где, по ее представлениям, была лестница. Она сразу попала в гостиную, с отвращением посмотрела в сторону стола, который так и стоял неприбранный, – и побежала дальше. Выскочила в холл и в растерянности завертела головой, не понимая, куда делся выход. Теперь она видела перед собой лишь вереницу закрытых дверей. Возможно, за одной из них находилась лестница – довольно странная конструкция для здешней архитектуры.

Вероника подергала одну из дверей – заперта. Кинулась к другой – то же самое. Все больше поддаваясь панике, она бросилась к третьей двери, ударила ее обеими руками и едва не влетела в какую-то комнату. Успела заметить лишь большую кровать, две головы на подушках – и машинально захлопнула дверь. Затаилась на пороге, пытаясь понять, кто за дверью. Лже-Сашка с Григом? Но, кажется, Грига с его шапкой курчавых волос там как раз и не было.

В ее ситуации уже не до соблюдения приличий. Решительным шагом Вероника вступила в комнату.

Комната была небольшая, квадратная, судя по нейтральной обстановке, также гостевая. На широкой тахте, застеленной не слишком свежим бельем, спали две женщины. Лиц их Вероника не видела, но сразу поняла, что это не могли быть ее вчерашние знакомые. Достаточно было взглянуть на их волосы, которые совсем не напоминали аккуратные стрижки дамочек из ресторана.

Вероника на цыпочках подобралась вплотную к кровати, склонилась над женщинами: одна лежала ничком, зарывшись лицом в подушку, вторая – на боку, натянув на лицо уголок одеяла. У одной из-под одеяла выглядывала ступня в чулке – женщины отдыхали одетыми. Вика стояла над ними, не решаясь разбудить, и пыталась сообразить, кто же это такие. Возможно, служанки, но что они делают в гостевой комнате? Или на вилле кроме нее были еще гости?

В этот миг одна из женщин тихо застонала и заворочалась, одеяло сползло с ее лица, и Вероника увидела на щеке уродливый шрам, похожий на гусеницу. Это было уже чересчур! Она коротко вскрикнула, а потом разом стянула с женщин одеяло. Они сонно зашевелились

– и стали понемногу просыпаться. Обе были полностью одеты, одежды на них были несвежие и дешевые. Одна за другой они сфокусировали взгляды на Веронике – и отнюдь не удивились ее появлению. Одна сонно помахала ей рукой, другая в усмешке скривила тонкие, покрытые сероатой коркой губы.

– Девочки! – закричала Вероника. – Юлия, Сашка, вы зачем, вы для чего тут?! Это что, розыгрыш такой? А кто были те, вчерашние?..

– Привет, Вичка, – хрипло проговорила Юлия. – Не скажу, что так уж рада тебя видеть, но мы с Сашкой тут тебя ждали. Ты садись давай. Разговор у нас будет очень непростой.

Отец Вероники по специальности был военный строитель. Мать с легкостью вливалась в любую профессию, лишь бы всегда быть рядом с мужем. Это превратило Никино детство, как ей тогда казалось, в один сплошной вялотекущий кошмар...

Иногда за один учебный год она меняла по две-три школы. Чаше семья старалась переезжать летом, чтобы Вероника первого сентября спокойно шла в школу и, по возможности, оставалась в ней до следующих летних каникул. Но только что это меняло? Даже тот, кто хоть раз переходил в другую школу, всю жизнь хранит в своей памяти горькое знание того, что значит быть новеньким. А значит это, увы, лишь одно: быть вечным изгоем и никогда не иметь настоящих друзей.

Настоящая подруга у Вероники была только в первом классе. Все кончилось с первым переездом. После бывало по-разному: иногда Веронику откровенно травили, просто так, безо всякой причины. Иногда встречали нейтрально, без особого интереса, но и без агрессии. Порой ей удавалось примкнуть к какой-нибудь компании. Но ей-то хотелось иметь свою личную подругу, а не быть всегда третьей лишней. Не считать же подругами школьных отщепенцев, несчастненьких, странноватых девочек, которые набрасывались на Веронику, как на свежую кровь, впивались в нее, как в последнюю надежду.

Школьная дружба – по сути своей репетиция первой любви. Иногда по остроте чувств она бывает даже сильнее взрослой влюбленности. Не раз в своей будущей жизни Вероника задумывалась о том, что именно одинокое детство стало причиной ее последующих любовных неудач.

В седьмой класс она пошла в маленьком городке, в окрестностях тогдашнего еще Ленинграда, и, в общем, уже не ждала от жизни ничего хорошего. Но вдруг ей невероятно, немислимо повезло: пока она заторможенно стояла перед учительским столом, не зная, куда ей можно сесть без риска быть немедленно изгнанной, учительница вдруг задала ей вопрос:

– Зрение у тебя хорошее?

– Не очень, – пискнула Вероника и залилась краской под прицелом множества глаз.

– Тогда садись пока за первую парту, – распорядилась учительница.

Ника отмерла и увидела прямо перед собой свободный стул и девочку, которая улыбалась и с готовностью сдвигала на край свои вещи, готовя для Вероники место. У девочки было милое открытое личико и пушистые волосы, нимбом стоящие над головой. И сердце Ники дрогнуло, гулко заколотилось в предчувствии счастья.

– Меня зовут Сашкой, – шепнула девочка, едва Ника устроилась за партой.

Весь урок они переписывались украдкой – старались как можно больше узнать друг о друге. На перемене Сашка показала Веронике школу, а ей было наплевать – ее мало что теперь интересовало, кроме новой подруги.

Через несколько дней Ника уже не представляла своей жизни без Сашки. Дома она считала часы до встречи с ней, а во время уроков ловила влюбленным взором отражение подруги в оконном стекле. И считала минуты до конца уроков, чтобы пойти с Сашкой шляться по улицам, или в парк, или в кино.

И каково же было потрясение Вероники, когда в середине сентября в классе вдруг появилась Юля Аксельрод, проболевшая начало учебного года! И Ника узнала, что Сашка с Юлей дружат с первого класса, а сидит она на Юлькином законном месте. Для Ники словно мир рухнул, и все обломки попадали прямоком на ее голову!

У Юльки были темные волосы, стриженные под горшок, с нелепо заколотой набок челкой. Ее лоб и кончик длинного носа всегда были подозрительно припухшими и покрасневшими – Юлька обладала невероятной способностью врезаться в каждую стенку. На Веронику она смотрела с ненавистью и презрением. И конечно, страдала ничуть не меньше, чем Ника.

Но у Сашки было большое сердце. Она не понимала, что мешает дружить втроем. Она спокойно могла бы дружить с еще десятком таких Юль и Вероник, сполна одаряя каждую своей любовью и добротой. Едва ли она хоть на миг задумывалась о том, что ее подруги сгорают на медленном огне ревности и ненависти друг к дружке.

Одна радость – Веронику так и оставили сидеть за первой партой. Юлька теперь сидела за второй, за спиной у Сашки, и иногда Ника краем глаза ловила ее полный тоски взгляд, устремленный на затылок подруги. Но чаще – на себя, с привычной ненавистью и отвращением. И не обижалась: она и сама ежесекундно мечтала о том, чтобы Юлька куда-нибудь сгнула, испарилась, упала с лестницы или заболела до конца года. Так и жили. А потом Веронику увезли, даже раньше срока, и отец сам впервые в жизни ходатайствовал о срочном переводе на другой объект... Но это была уже другая история, которую Вероника лишней раз старалась не вспоминать...

– Что происходит, девочки? – Она без сил опустилась на краешек кровати, во все глаза рассматривая бывших одноклассниц.

– Пойми, Ник, мы сами толком не знаем, что происходит! – чуть задыхаясь, торопливо заговорила Сашка. – Ты, наверное, нас за сумасшедших примешь... Это началось две недели назад, а у нас нет никакой толковой версии, даже у Юльки, представляешь? Сначала добрались до меня. Я просто шла утром на работу, перебежала дорогу в неполюженном месте, ну кто сейчас обращает на это внимание?! Так нет же, подошел милиционер, потребовал штраф, я, конечно, сказала, что у меня нет денег. Да их и не было на самом деле! Он предложил сесть в машину и куда-то подъехать.

Что оставалось делать? Привезли в какое-то здание, совсем не похожее на отделение милиции. В комнату никто не заходил, и я сидела там очень долго. Шуметь боялась, уже понимала, что происходит что-то очень странное... Потом зашел какой-то мужчина и дал мне папку с бумагами. А там – представляешь, Ника, – там все обо мне, о моей семье. Словно кто-то задумал написать роман о моей жизни и очень старательно подбирал материалы. Там и про родителей было, и про первого мужа, и про второго – мы как раз только-только развелись. И про детей. У меня их двое, – грустно усмехнулась Сашка. – Так вот, этот человек сказал, что я должна какое-то время поработать на них...

– На кого – на них? – перебила Ника.

– Вероничка, не знаю! На спецслужбы, на государство – кто ж их разберет? Я даже корочки толком не сумела прочитать, так перетрусила. Этот тип сказал, что мне ничего не грозит, даже наоборот – я буду некоторое время, как он выразился, «на государственном обеспечении», отдохну, посмотрю мир – это он так выразился, понимаешь? А вот отказаться нельзя: они нанесут удар по кому-то, кто мне очень дорог, по детям или по родителям. И спрашивать о своей миссии тоже не рекомендуется, надо просто выполнять все, что мне говорят. Так меня накрутили и в тот же вечер отпустили домой...

– Отпустили? – вскрикнула Вероника. У нее просто от сердца отлегло. Значит, ее тоже отпускают.

– Отпустили, да. Правда, взяли какую-то подписку о неразглашении. Но я и сама понимала, что трепаться не стоит. Мне нужно было взять отпуск на работе и собрать документы для загранпаспорта.

– И ты что, все это сделала? – подпрыгнула на месте Вероника. – Нужно было сразу бежать в милицию, писать заявление. Или, не знаю, подключать какие-то связи...

– Ты можешь дослушать или нет?! – вдруг заорала Юлия. – Она же тебе человеческим языком рассказывает: ей угрожали расправой над детьми или родителями. И заметь, тогда нам ничего дурного или противоправного делать не предлагали. Да, впрочем, и позднее...

– Я слушаю, слушаю! – взмолилась Вероника.

– Когда я собрала все документы, велели переехать в Питер и поселиться в частной гостинице. Детей я поручила родителям, сказала, что еду работать за границу. Крику было! Но я жила в таком состоянии, что все пропускала мимо ушей. Как будто меня загипнотизировали. Сидела весь день в номере, заполняла бумаги, которые мне приносили. А потом появилась Юлька...

Сашка примолкла, и Вероника живо обернулась к другой женщине, спросила:

– А тебя как прихватили, Юль? У тебя действительно три магазина в Питере?

– Да ничего у меня нет, – сквозь зубы проговорила та. – До этого я думала, что вообще – ничего. Ни мужа, ни детей. Потом, правда, выяснилось, что кое-что у меня все-таки имеется. Единственный положительный момент во всей этой истории.

– Да говори толком! – одернула ее Сашка, и Вероника была ей за это безмерно благодарна.

– А что тут говорить? За неделю до этой истории я обращалась в больницу, ну, были у меня всякие нехорошие подозрения. Сдала анализы. Имелось в виду, что через некоторое время я снова запишусь на прием к врачу, и он прокомментирует результаты. Но получилось иначе: мне позвонили на мобильный и намекнули, что положение мое – швах, но падать духом не стоит. Дали адрес специалиста, который как раз проездом в Питере и может меня осмотреть. Идти нужно было в гостиницу. Я пошла, конечно, и дурного ничего не заподозрила. Не молоденькая девка, чтобы меня в гостиничные номера заманивать! А там какой-то очень вежливый товарищ встретил меня и объяснил примерно то же, что и Сашке. Добавив, что после меня и вылечат от всех хворей за государственный счет и вообще... наградят.

– Дальше! – поторопила ее Вероника, дрожа всем телом.

– А что дальше? Послала я товарища далеко и безвозвратно. Тогда он вручил мне кондуит, велел ознакомиться. Даже из номера вышел, чтобы не мешать. А там – как Сашка рассказывала: вся моя жизнь расписана, а также перечислены все родственники. Когда этот товарищ вернулся, я сказала ему, что никакого компромата в этих бумажках на меня не содержится, а раз так – то пошел он снова по указанному адресу. И ушла домой. Козел этот еще так вежливо посторонился, когда я мимо проходила. Это была пятница. А в субботу ночью позвонила сестра в панике: дочка не вернулась с дискотеки. Более того, ее подруги видели, как Дашку усадили в машину какие-то парни и увезли. Сестра на грани самоубийства, твердит, что Дашкин растерзанный труп найдут в каком-нибудь овраге. А я сразу все поняла. И позвонила по телефону, который мне тот типчик успел все-таки подсунуть. К полудню Дашуля вернулась домой, живая и невредимая, а я собрала вещички, документы и переехала в ту же гостиницу. Там и встретилась с Сашкой.

– А потом? – прошелестела Вероника.

– Потом мы прилетели на Лазурный Берег. Нас стали готовить к встрече с тобой. Это ведь только с нами в России можно было не церемониться, ты же – птица высокого полета. Сначала планировалось так, что мы с Сашкой случайно встретим тебя на улице, разговоримся, пригласим в гости. Было несколько репетиций. Но потом стало ясно, что ни одна из нас не тянет на хозяйку виллы. Ты, пожалуй, еще обратишься в бегство при виде таких подружек. Видно, они решили, что проще нанять тех теток, чем приводить нас в божеский вид.

– Кто они такие?! – спросила Ника.

Сашка только плечами пожала:

– Да мы толком не знаем. Какие-то бывшие актрисы. Много лет живут в Каннах, одна, кажется, и впрямь замужем за французом. Не упускают никакой возможности подработать. Мы рассказывали им о тебе, о школе, они к нам приглядывались, что-то перенимали. В общем, получились как будто мы, но только в подарочном исполнении. Ты ведь не догадалась, да?

– Догадалась, – сквозь зубы процедила Ника. – Да только поздно было.

– Вот, можешь ознакомиться. – Юлия швырнула ей на колени толстую папку, до этого момента лежащую на тумбочке рядом с кроватью. – Мы с Сашкой читали, не обессудь. Нам для ознакомления выдали.

\* \* \*

Ника распахнула папку, впиалась глазами в строчки. Первые минут пять не могла сосредоточиться, буквы так и скакали в разные стороны, упорно не желали складываться в слова. Юля с Сашкой ей не мешали, они исчезли из комнаты, потом где-то зашумела вода. Вероника пару раз зажмурилась, помотала головой – и дело пошло.

Странное это было досье. Почему-то больше всего внимания уделялось ранней юности Вероники. Как училась, как закончила школу. Учеба в институте, институтские приятели, фамилии которых Вероника сама бы теперь и не вспомнила. Гибель родителей. Первое замужество, наконец. После этого момента информация как-то пошла на убыль. Даже о втором браке и рождении Славика и Зины почти ничего не было сказано...

Зато появилось досье на Андрея, и вот тут спина Вероники покрылась гусиной кожей. Конечно, она знает, что бизнес никогда не бывает слишком честным. Когда муж вышел на международный уровень, он стал действовать куда цивилизованнее, чем в России. Но кто-то с изумительной дотошностью посчитал все его огрехи: и где закон нарушил, и сколько налогов недоплатил.

Вероника, тяжело дыша, захлопнула папку и задала вернувшимся приятельницам вопрос, который до этого почему-то не пришел ей в голову:

– Кто же все это делает?

Сашка пожала плечами, а Юлия сказала, тоже как-то без особого интереса:

– Откуда нам знать? Нам особо никто не представляется.

– Но ведь вы не сами все это проделываете?! Кто-то привез вас сюда, нашел этих женщин, репетировал с ними!..

– А, ты про этих, – протянула Сашка. – Ты их сама скоро увидишь. С нами все больше один человек работает. Раздает указания, а дальше мы сами все делаем. Бегаем на задних лапках, как Юлька выражается. А что нам остается, Ник, когда все наши близкие у них в заложниках?!

– Ну, у вас есть хоть какие-то версии, зачем все это нужно?

– А как ты думаешь, о чем мы думаем долгими зимними вечерами? – огрызнулась Юлия. – Головы себе сломали. Думали, может, твой муж такой крутой бизнесмен, что ради него все это затевается. Чтобы заманить тебя, детей, а потом потребовать выкуп...

– Да вы что! – заволновалась Ника. – Мой муж – середнячок в бизнесе, таких, как он, миллионы, кто бы стал так напрягаться!..

– А пару дней назад нас предупредили, что потом мы все вместе полетим в Германию. И мы поняли, что ты – не цель, а еще одно звено, – мягко подытожила Сашка.

– Спасибо, – выдавила улыбку Вероника. – Прямо от сердца отлегло. А как насчет других версий?

Женщины молчали, переглядывались друг с дружкой. Юлия передернула плечами, а Сашка спросила:

– Помнишь Сережку Иванова?

Вероника сначала помотала головой, но в следующий миг вдруг вспомнила.

...Это был, наверное, самый красивый мальчик на все три седьмых класса. А может, им так просто казалось. Высокий, смуглый, со всегда улыбающимися полными губами и чуть застенчивым взглядом. В середине учебного года он по непостижимой причине примкнул к их чисто девчачьей компании. В школе держался на расстоянии, даже не смотрел в их сторону, а после уроков поджидал за деревьями в парке. Подходил и спрашивал с равнодушным видом: «Ну что, девчонки, куда двинем?»

И они, словно так и задумано было, тут же отказывались от всех своих прежних планов и шли гулять по парку. Или в город – пить молочные коктейли в магазине «Молоко». Или на стадион – смотреть, как тренируются местные спортсмены, хотя на спортсменов им было наплевать...

...Вот она, Вероника, уже в пальто и сапожках, затаилась в школьной раздевалке за вешалкой. И ждет, когда Сашка и Юлька устанут искать ее в холле перед раздевалкой, и уйдут домой. Тогда и она пойдет привычным маршрутом и проверит, наконец, свою сумасшедшую догадку. Ведь если Серега ходит с ними ради нее, Вероники, он пропустит девочек и дождет ее за деревьями. Все внутри нее стонет в надежде: «Подойдет, обязательно подойдет! Не может быть, чтобы он таскался с нами не из-за меня!»

Вот бредет по раздевалке в одном сапоге Юлька, протирает носовым платком очки, близоруко крутит головой. Ее губы подрагивают от подступающей обиды, в глазах – ужас одиночества. Вероника тоже оглядывается и вдруг замечает в противоположном углу Сашку. Та присела на корточки у подоконника и пытается скрыться за кучей грязных сапог. Тут уж Вероника начинает хохотать, а ей вторит Сашка, на карачках выползая из своего укрытия...

– Сережка у нас стал акулой бизнеса, – задумчиво произнесла Сашка. – Наверное, единственный из наших, кто выбился в люди. Ну, не считая тебя, конечно. Ты должна была про него слышать.

– Господи! – простонала Вероника и схватилась за голову. Очередной беглый олигарх, свивший гнездо в Лондоне, – их Сережка? – Да мне и в голову прийти не могло, что это – тот самый Иванов. Не вспомнила его ни разу. Кажется, против него сейчас в России уголовное дело завели, требуют у англичан его выдачи. Но мы-то тут при чем?

– Видишь, вот и дело государственной важности нашлось, – сказала Юлька. – Может, собираются его на нас, как на живца, ловить. Сам-то он в Россию точно не ездок.

– Да он имен наших наверняка не помнит! – возмутилась Ника.

– За себя говори! – рявкнула на нее Юлия и как-то странно покосилась на Сашку.

Сашка разъяснила и взгляд, и выкрик:

– Вообще-то, Вероничка, он – отец моего сына. В старших классах мы с ним встречались, даже пожениться хотели. А на выпускном я не была, заболела. И Юлька ухитрилась его каким-то образом соблазнить, представляешь? Боже, какая была у нас с ней разборка, когда я все узнала!

Сашка произнесла это с такой ясной улыбкой, будто говорила о лучшем мгновении своей жизни.

– Такими дурами были, – поддержала ее Юля, тоже без обычной желчи в голосе.

– Но все равно, – растерянно проговорила Вероника, – это было так давно. Тем более у меня-то с ним точно ничего не было!

– Мы не знаем, – отозвалась Сашка таким усталым голосом, будто из нее выпустили весь воздух. – Это ведь только предположение. Может, сказал он в каком-нибудь дурацком интервью, типа ничего-то у меня хорошего в жизни не было, кроме трех девочек-подружек, с которыми я общался в седьмом классе. А спецслужбы взяли и намотали эту информацию себе на ус. Теперь прощупывают все варианты.

– Чушь! – после паузы отрезала Ника. – А потом, этот тип, я слышала, как положено у олигархов, в Англии прячется, а вовсе не в Германии.

– Вот и не ломай себе голову, – разом обрубил разговор Юлия. – Дадут нам досье на следующего человечка – и сразу станет ясно, с чем имеем дело. Между нами тремя связь прозрачна – мы, так скажем, дружили. Узнаем имя следующей жертвы – пойдем, откуда ветер дует. И все, хватит болтать, есть дела поважней!

– Какие дела? – вздрогнула Вероника и словно очнулась от какого-то наваждения.

Все это время, разговаривая с бывшими подругами, она не испытывала страха. Они были втроем, им никто не угрожал, дверь не заперта на засов, и даже телефон в комнате был. Да и у нее в кармане лежит мобильник, правда со вчерашнего дня отключенный.

В какой-то момент она даже снисходительно подумала об одноклассниках: господа, до чего они запуганы! Сейчас она узнает все подробности дела, а потом они выберутся с этой проклятой виллы и тут же отправятся в полицию давать показания. Она позвонит французскому адвокату мужа, потребует, чтобы он срочно приехал сюда из Парижа. Они все ему объяснят, а после этого им и рта открывать не нужно будет – адвокат сам все скажет и сделает. А ей нужно поскорее вернуться к детям. Они, наверное, уже проснулись и недоумевают, куда могла подеваться их мама.

Она достала из кармана телефон и быстрым вороватым движением включила его. Ничего не произошло, никто не ворвался в комнату и не выхватил мобильный из ее рук. Только приятельницы как-то странно притихли.

– Я звоню нашему адвокату, – объявила Вероника. – Кстати, кто-нибудь знает, по какому адресу мы находимся?

Женщины переглянулись, а потом вдруг Юлия с силой ударила Веронику кулаком в предплечье. Телефон выпал из разжавшихся пальцев и затерялся в складках пододеяльника.

– Ты что?! – заорала Ника. – Я ведь хочу вам помочь!

– Себе помоги, дура, – сквозь зубы процедила Юля.

А Сашка бросилась к ней, ладошкой погладила по ноющему предплечью и заговорила быстро, как в юности, когда спешила рассказать какую-нибудь потрясающую новость:

– Никуша, пойми, мы ничего пока не можем сделать! Только во всем слушаться их. Ну, чего ты добьешься, если позвонишь? Нас приедут освободят, да? Но ты пойми, мы ведь даже не заложники, мы все делаем добровольно. Заложники – это наши дети, родители, близкие. Там, в России, а теперь и здесь, твои. Можешь ты быть уверена, что сейчас снайперы не лежат у твоего дома, не держат на прицеле твоих детей? Что толку, если спасут нас, а их – нет? Умоляю тебя, подумай!

– Что же делать? – прошептала Вероника, цепенея от этих ужасных слов. – Что же нам теперь делать?

– То, что они приказывают, – с готовностью ответила Сашка. – В конце концов, нас не заставляют делать ничего ужасного, противозаконного. Сейчас мы поедем к тебе, ты соберешь вещи, документы. Объяснишь как-нибудь детям и прислуге, почему должна уехать на время. А потом мы вернемся в Канны, но только не сюда, а в гостиницу. Ты согласна, Ник?

Вероника впала в странное оцепенение. Она даже головой не могла мотнуть.

– Ну, вот и славно! – обрадовалась Сашка. – Сейчас мы вызовем такси и вернемся на бульвар Круазетт. Ты машину где оставила?

– У порта.

– ...И на твоей машине поедem к тебе. Ты не думай, мы даже заходить не будем, ты сама спокойно соберешься...

– Странно, – проговорила Вероника. – Почему такси? Почему эти люди нас не подвезут куда нужно?

– Ты, может, подумала, что мы тебя дурачим, а сами всю кашу заварили? – оскалилась Юлия. – Нет, этих деятелей ты еще увидишь, и не раз. Но, наверное, им нравится смотреть, как мы, очень дрессированные мышки, даже команды сами себе за них раздаем.

– Перестань, – перебила Сашка. – Просто они понимают, что нам так проще. Словно нет никакого давления сверху. Понимаешь? И вообще, они через Юльку чаще всего все передают. Она ведь у нас – крепкий орешек.

Вероника посмотрела на нее изумленно, но не стала ничего говорить. Ей почудилось, что ее бывшие одноклассницы просто сошли с ума, раз ухитряются веселиться в такой ситуации.

Ей захотелось как можно скорее очутиться дома.

Через пять минут подъехало такси. Еще через четверть часа они пересели в машину Вероники и двинулись в сторону городка Мандельё.

Когда впереди возникла за невысоким забором их беленькая, как невеста, вилла «Эсмеральда», Вероника вздохнула с облегчением и расправила сведенные судорогой плечи. Вдруг подумалось: конец всем проблемам. Сейчас она заскочит во двор, запрет ворота и никуда не выйдет до возвращения Андрея. Ее соученицы могут убираться ко всем чертям с их невероятной историей.

– Вероника. – Юлия постучала пальцами по ее плечу, и Ника дернулась, как от разряда тока. – Мобильный телефон с собой не бери. Отключи и засунь куда-нибудь подальше. Только сначала выпиши все необходимые тебе номера – потом, возможно, тебе дадут возможность позвонить.

– Если буду хорошо себя вести? – усмехнулась Вероника.

– Ну, примерно. И еще – не вздумай, ради бога, сейчас никому названивать. Не бери грех на душу.

– Я поняла, – кивнула Ника. Она выскочила из машины и бегом бросилась к воротам.

В холл встречать ее выскочила няня, женщина лет пятидесяти, толстая, уютная, родом с Украины. Она воскликнула, с укором разглядывая загулявшую хозяйку:

– Ай, Вероника Сергеевна, как же я за вас беспокоилась! Что же вы не звоните и домой не едете? Уж дети и те интересуются.

– Андрей не звонил?

– Звонил, звонил Андрей Петрович! Интересовался! У вас ведь и мобильный телефончик всю ночь отключен был.

– Где дети? – спросила Вероника. Она сразу для себя решила, что говорить будет кратко, не вдаваясь ни в какие объяснения, не поддаваясь эмоциям.

– Наверху играют, – упавшим голосом произнесла няня. Непривычная холодность хозяйки окончательно выбила ее из колеи. Женщина сочла себя в чем-то виноватой и сразу как-то уменьшилась в размерах, втянула необъятный живот и поникла головой.

Вероника взбежала по лестнице. Дети были в гостиной, около елки, что-то строили на полу из конструктора и блестящих подарочных коробочек.

– Мама! – завопил Славик, первым заметив ее. – Тебя почему так долго не было?

– Отмечала Новый год, сыночек, – смиренным голосом произнесла Вероника, опускаясь на ковер и крепко прижимая к себе сына.

– Что, всю ночь?

– Всю ночь.

– Что, ни минуточки не спала?

– Совсем немножечко, – улыбнулась Ника.

Зина на коленках подползла к матери и без слов обхватила ее за талию руками, уткнулась лицом в живот. У Вероники все внутри сжалось в пульсирующий комок.

«Не выходить из дома? – вернулась шальная мысль. – Запереть ворота, двери, крикнуть девчонкам через забор, чтобы убирались. И жить так неделю, две, пока не отвяжутся!»

Было несколько мгновений, когда она чуть не решилась на этот шаг. Но потом взяла себя в руки, погладила Зину по голове и сказала:

– Дети, я должна уехать на несколько дней. Пожалуйста, слушайте Анну Марковну.

– Почему уехать? – вскинула на нее потрясенное личико Зина.

– Ну, так вышло, солнышко. У мамы дела.

– Да какие там еще у тебя дела, – кривя губы, проговорил сын, и Веронику поразило, как точно он передал отцовскую интонацию.

– Понимаете, вчера я встретила одну свою знакомую, с которой когда-то училась в школе. Ей очень-очень нужна моя помощь. Я кое-что сделаю для нее, а потом сразу вернусь к вам, ладно?

Дети молчали, недовольно переглядываясь. В полной тишине Вероника расцеловала сперва дочку, потом чмокнула сына в макушку. Хотела в щеку, но Славик увернулся, задержался в ее руках. Вероника поспешила вон из гостиной, пока дети не увидели мокрых дорожек на ее щеках.

В их с мужем спальней комнате она достала из ящика свои паспорта, российский и заграничный. Почти не отдавая отчета своим действиям, вынула из шкафа какое-то белье, чистый свитер и бросила вещи на кровать, не очень понимая, куда их положить. Что берут в дорогу, когда тебя похищают? Вероника воровато огляделась по сторонам, выглянула в окно, на дорогу. Потом схватила со стола чистый лист бумаги и начала торопливо писать, как в детстве, прикрывая лист согнутой в локте левой рукой:

«Любимый мой Андрюшенька! Ты, конечно, изумишься, не обнаружив меня дома. Но я в этом не виновата. Я попала в руки людей, которые слишком много знают о нашей семье и могут быть для всех нас очень опасны. Они заставляют меня уехать под страхом расправы с детьми, с тобой. Я не знаю, что мне придется сделать для них, они говорят, что работают на государство, но можно ли в это верить? Может, все это лишь дурацкий розыгрыш, и я очень скоро буду дома. Но если что-то серьезное, то я сделаю все, чтобы наша семья не пострадала! И после вернусь к вам.

Любимый мой! Мне жаль, что так вышло с Новым годом. Наверное, тучи уже сгустились над нашими головами, не давая нам встретиться. В последнее время наши отношения немного разладились, ты знаешь. Боже, какими незначительными кажутся мне наши раздоры в этот момент! Но я верю, что впереди у нас много праздников и просто счастливых лет. Не делай сам ничего, чтобы найти меня. Это может быть опасно. Просто жди меня, Андрюшенька! Очень люблю. *Вероника*».

Когда она закончила писать, ее лицо и шея были мокрыми от слез. Ника сложила листок и сунула его в ящик стола, под стопку документов мужа. Потом быстро запихнула вещи в дорожную сумку – и побежала давать наставления няне.

– Сможешь вести? – спросила Сашка и погладила ее по руке, стараясь вывести из оцепенения.

– Есть варианты? – сквозь зубы поинтересовалась Ника.

– Мы с Юлькой не водим. Но можно позвонить, вызвать кого-нибудь...

– Не надо! – Вероника встряхнула головой, несколько раз до боли сжала кулаки. – Еще не хватало домашним увидеть, что меня увозят на моей же машине какие-то типы. Куда ехать?

– В Канны, – сказала Юлия. – Там по дороге есть маленькая гостиница, мы в ней заночуем. А утром полетим в Германию. Да, документы отдашь мне.

– Зачем?

– А как без документов купить билеты на самолет?

– Почему летим не сегодня? – спросила Вероника, которая представить не могла, как проведет этот бесконечный день.

– Откуда нам знать? Не мы решаем.

– Когда же дадут досье на следующего человека?

– Наверное, завтра, по дороге, – вмешалась Сашка, стараясь разрядить обстановку. – А может, уже и сегодня. Ты только не нервничай, Ник. Мы тоже в первые дни просто с ума сходили, а теперь вот притерпелись, что ли.

Гостиница оказалась маленькой и очень домашней. Ника совсем некстати вспомнила, как они с Андреем любили останавливаться в подобных местах в те времена, когда только начали ездить в Европу. Номера для них были уже забронированы – по синглу для каждой. Провожая Нику до номера, Сашка шепнула ей на ухо:

– Постарайся хорошенько отдохнуть. Не думай ни о чем. Это трудно, но мы уже научились.

Ника ничего не сказала ей в ответ. Она зашла в номер, упала на кровать – и неожиданно провалилась в сон без сновидений. Разбудил ее стук в дверь. Разом покрывшись холодным потом, она отворила дверь – за ней стояли Юлия с Сашкой.

– Пойдем обедать, – будничным тоном приказала Юля.

– Я не хочу...

– Ничего не знаю. Нам потребуются силы. Одевайся и спускайся в кафе.

Ника вдруг ощутила, как последние остатки воли рухнули под напором бывшей одноклассницы. Она молча развернулась и побрела в ванную комнату приводить себя в порядок.

«Я всегда ее терпеть не могла, – бормотала она себе под нос. – Я дружила с Сашкой, а Юлька была мне совершенно не нужна! Я всегда знала, что когда-нибудь она сполна проявит свой поганый характер».

После обеда она хотела сразу вернуться в номер, чтобы поменьше видеть бывших приятельниц, но Саша удержала ее за руку и сказала почти шепотом:

– Мы дали тебе спокойно поесть. В общем, через полчаса привезут новое досье, понимаешь? Приходи в Юлькин номер.

У Вероники сердце так и ухнуло куда-то вниз. Стало трудно дышать, ноги онемели. Она засомневалась, сумеет ли дойти до номера.

– Да не бойся ты, – уговаривала Сашка. – Может, мы сегодня пойдем, наконец, чего эти товарищи от нас хотят. Может, и ничего такого страшного. Лишь бы все поскорее кончилось, верно?

– Я не знаю...

– Это ведь даже хорошо, что для тебя все так быстро происходит. Знаешь, каково нам с Юлькой пришлось? Это бесконечное ожидание...

– Да перестань ты ее уговаривать! – не сдержавшись, заорала Юлия. – Детский сад какой-то! Мы уже не в седьмом классе. Раз попали в переделку – нужно держать себя в руках!

– Юль, не надо! – взмолилась Сашка.

– Да ну вас! – Юля вскочила со стула, махнула рукой. – Жду у себя в номере. Не вздумайте задерживаться.

– Ты не смотри без нас, – вдруг детским голоском попросила ее Сашка. – Все вместе, ладно?

Юлия ушла не оглядываясь. Вероника, обрадовавшись передышке, рухнула на стул. Сашка опустилась рядом и тихо проговорила:

– Никогда не думала, Ника, что мы еще встретимся с тобой когда-нибудь. Да еще при таких обстоятельствах. Впрочем, если бы просто так, случайно тебя на улице встретила – наверное, прошла бы мимо, не признавшись.

– Почему? – Веронике вдруг сделалось обидно. – Ты, может, думаешь, я загордилась, что ли? Да чем, Сашка? У меня, кроме детей, и нет ничего.

– Не в этом дело, – замотала головой Сашка. – Просто жизни по-разному у нас сложились. Сейчас даже не верится, что когда-то мы с тобой, с Юлькой были неразлучны. И в то же время невозможно поверить, что не будет никогда больше такой дружбы, такой вольницы, счастья, веселья. Жизнь проходит, а кажется, что однажды все еще вернется. Просто однажды вновь проснемся молодыми и красивыми.

– Ты и так молодая и красивая, Сашка.

– Да я не об этом. Хочется в прежнюю жизнь, понимаешь? Чтобы любимые актеры были живы и играли молодых, а не стариков. Чтобы фильмы нравились новые, а не те, что в прошлом веке сняты. Чтобы у родителей было еще все впереди. Жалко как, что мы в школе этого не понимали, да?

– Жалко, – согласилась Вероника. И вдруг успокоилась. Отступила непонятная злоба на Юлию, а Сашка вдруг показалась ей самым близким человеком на земле, как тогда, в седьмом классе. Она неловко погладила ее по плечу и сказала:

– Пойдем, наверное, уже пора.

– Пора, – согласилась Сашка и до боли сжала ее руку. – Сейчас все решится. Я чувствую.

– Скажи, вы так же волновались, когда ожидали мое досье?

– Шутишь? Мы чуть с ума не сошли! Я так не волновалась, когда первый раз замуж выходила! Ты веришь?

– Верю, – через силу улыбнулась Вероника.

Когда зашли в номер, Юлия стояла у окна и шурилась на море, которое отсюда уже было видно. На столе лежала обычная картонная папка с завязками.

– Ты смотрела? – взволнованно спросила Сашка.

– Вас ждала...

– Тогда, девочки, – Сашка расширившимися глазами оглядела Нику и Юлю, – давайте не будем оттягивать этот момент. Ну, на раз, два, три...

Шагнула к столу, схватила папку и распахнула ее на первой странице. Вероника, замерев, не отводила глаз от ее лица. На Сашкином лбу сперва возникла недоуменная складка, потом глаза сделались испуганными, задрожали и приоткрылись губы.

– Что там?! – закричала Вероника, бросаясь к Сашке и почти выдирая у нее папку. С другой стороны в картон вцепилась бледная до синевы Юлия. Ника пробежалась взглядом по странице, но сумела прочесть только имя, написанное крупно, печатными буквами:

**АЛИЯ ХАСАНОВА**

С минуту женщины молча смотрели друг на дружку. А потом Сашка первая шепотом произнесла имя, которое к тому моменту было уже у всех на языке:

– Стаська...

Ника с ногами залезла в кресло, закрыла глаза и постаралась не слушать, как шепчутся о чем-то, шелестят страницами Сашка и Юля. Она бы вернулась в свой номер, но не было сил даже дойти до дверей. Взбудораженный мозг упорно выдавал одну картинку за другой...

... Когда она поняла, что Юлька никуда не исчезнет, и Сашка никогда больше не будет принадлежать только ей одной, захотелось разорвать эту мучительную дружбу втроем. Тогда она впервые обратила свой взгляд на Алию. Это была худенькая крошечная девочка с густыми волосами, заплетенными в косу и туго заколотыми в кичку на затылке. Ее маленькое личико

казалось сделанным из фарфора, на котором умелый мастер очень тонкой кисточкой нарисовал рот, нос, черные и всегда чуть испуганные глаза. Когда на уроке физкультуры Алия с обреченным видом бежала к планке или карабкалась по канату, Вероника закрывала глаза и боялась услышать нежный стеклянный звон.

Ее, единственную в старших классах, всегда провожали в школу и встречали после уроков родители или братья. Может, из-за этой странности у Алии не было подруг. На переменах она всегда что-то читала, прижавшись спиной к подоконнику, поближе к батарее.

Однажды на уроке Ника долго приглядывалась к Алии, словно решая, сможет ли полюбить ее так, как Сашку. Самой Сашки в этот день в школе не было. И Вероника замыслила побег. На большой перемене она подошла к Алии и спросила ее:

– Аль, а что ты читаешь?

Та вздрогнула, прижала книгу к груди и отвечала встревоженным шепотком:

– Историю повторяю...

– Брось, – посоветовала Ника. – Ты и так все знаешь. Пойдем лучше в буфет, ватрушки купим.

– Я не хочу, – затрясла головой Алька.

Вероника, которая уже сделала пару шагов в сторону лестницы, вернулась и спросила со вздохом:

– А хочешь, после уроков пойдем ко мне в гости? Я тебе свою коллекцию открыток покажу.

– Я бы сходила, – замялась Алия. – Но мне после уроков нужно домой. За мной брат зайдет.

И стала смотреть в окно, словно давая понять, что эта тема исчерпана. Вероника чуть не зарыдала от разочарования. Стояла у подоконника, не зная, как уйти, сохранив при этом лицо. И тогда вдруг Алия пришла ей на помощь.

– А хочешь, ты ко мне заходи, – сказала она. – Прямо сегодня. Родителей не будет дома.

– А брат?

– Брат живет отдельно, у него своя семья. Он только доведет меня до квартиры – и сразу уйдет.

– Ладно! – перевела дух Вероника. – Заметано!

После уроков они долго торчали в раздевалке, ждали брата Алии, который где-то задерживался. Алька ждала терпеливо, а Вероника просто извертелась от нетерпения.

– А тебя почему из школы встречают? – теребила она кандидатку в подруги. – Потому что у тебя зрение плохое, да?

– И из-за этого тоже, – степенно отвечала Алия. – И вообще, чтобы не пристал кто на улице.

– Да кто же к тебе средь бела дня пристанет! А почему ты очки не носишь? Ты же на уроке их надеваешь?

– Некрасиво потому что, – прошептала девочка, шурясь по сторонам. – Не идет мне.

Появился брат Алии, очень высокий, сутулый, с черной бородой от уха до уха. Коротко глянул на Веронику, ничего не спросил и мотнул головой в сторону выхода. Идти оказалось совсем недолго, минут десять. Брат молча проследил, как Алия отпирает дверной замок, потом подергал снаружи запертую ею дверь – и шаги его стихли на лестнице. Ника вздохнула с облегчением.

В квартире у Алии пахло чем-то непривычным. Комнат было много, три или четыре, но слишком маленькие, словно игрушечные. Комната Алии и вовсе походила на чуланчик, но зато блистала такой чистотой, о какой Никиным родителям и мечтать не приходилось. Вероника плюхнулась на единственный в комнате стул, стоящий у письменного стола, а Алька осталась стоять рядом с собственной кроватью, застеленной белоснежным кружевным покрывальцем,

с маленькими расшитыми подушечками в изголовье. Похоже, сесть на кровать средь бела дня было для Альки сродни преступлению.

– Ну, что будем делать? – спросила она, переступая с ноги на ногу.

– А ты что после школы обычно делаешь? – полюбопытствовала Ника.

– Ну, обедаю и за уроки сажусь.

Вероника скривилась от такой невеселой перспективы.

– Не-е, давай ты потом их сделаешь. Лучше телевизор включим или книжки посмотрим.

– Телевизора у нас нет, а книжки папа запирает в шкафу, – прошелестела Алия, и лицо ее вытянулось в тоскливой гримасе. – Послушай, Ник, ты что, с Сашей поссорилась?

И Вероника вдруг догадалась: да ведь Алька совсем не хочет с ней дружить! Просто терпит ее из врожденной деликатности и мечтает сплавить обратно к Сашке.

– Нет, не ссорилась, – уже теряя интерес к дальнейшему общению, ответила она.

– Я знаю, тебе Юля не нравится, – не отставала, зудела над ухом Алия. – Просто ты не хочешь к ней приглядеться. Юля тоже ко мне приходила, мы с ней пили чай и разговаривали.

Она очень страдает, да. Если бы ты хоть немного попробовала дружить и с ней, а не только с Сашкой...

«Вот привязалась», – злобно подумала Вероника. А вслух сказала:

– Попробовать ей улыбнуться, что ли?

– Ну, вроде того... – совершенно потерялась Алька.

Не зная, под каким предлогом теперь уйти, Вероника сказала:

– Ну, давай, что ли, чаю попьем.

Алька с готовностью повела ее на маленькую кухоньку, налила чай не в чашки, а в цветастые пиалы. Вероника немного развеялась – прежде из пиал ей пить чай не приходилось. Но едва что-то стало налаживаться, как Алия посмотрела на часы и сказала виноватым голосом:

– Ник, подожди немного, мне нужно... я должна.

И убежала из кухни. Вероника посидела минутку за столом, похлебала чай, потом поднялась и отправилась в глубь квартиры искать Альку. Заглянула в ее комнату – там было пусто. Странные звуки послышалось из гостиной, в которую Ника еще не заходила. На цыпочках подошла она к двери, заглянула: там на ковре полулежала Алия и что-то бормотала.

Это было последней каплей. И вдруг Веронике захотелось бежать отсюда куда подальше, а лучше туда, где Сашка, пусть даже в компании противной Аксельрод.

– Мне идти надо! – крикнула она в спину Але и пулей вылетела за дверь.

Так и закончилась, почти не начавшись, ее попытка подружиться с Алией Хасановой...

– Ну, что там пишут о нашей Альке? – спросила Вероника, отмахиваясь от воспоминаний.

Сашка с готовностью начала рассказывать:

– Почти сразу после начала перестройки они всей семьей эмигрировали в Германию. Алька ведь с нами школу не заканчивала, ушла после восьмого класса. А в Германии она вышла замуж за парня из Казани. Представляешь, Ничка, у нее уже семеро детей! Аля не работает, конечно, сидит дома с детками.

– Если Альку по-прежнему всюду водят за руку, подобраться к ней нам будет ой как непросто, – сказала Юлия.

Женщины тревожно переглянулись.

– Кстати, изменения: вылетаем вечером. Ужинать будем уже в самолете. Предлагаю собрать вещи и немного отдохнуть. Проще говоря: освободите номер, я спать хочу. Всю эту писанину, – Юлька потрясла папкой и отшвырнула ее в кресло, – почитаем в воздухе.

– Ну и нервы у тебя, Юль, – негромко проговорила Сашка, взяла Веронику под руку и вывела из номера.

– Знаешь, – сказала ей Ника. – У меня все время такое чувство, что Юлька все это задумала и сама руководит операцией. Она с таким энтузиазмом все делает!..

– Нет, Юлька молодец, – покачала головой Сашка. – Без нее бы я давно сошла с ума или руки на себя наложила. Она не дает заикливаться, понимаешь? Ну, что толку, если мы сейчас начнем вспоминать, обмусоливать? Вот ты думаешь, это все действительно из-за Стаськи? Или они весь наш класс решили собрать по цепочке?

– Точно! – засмеялась Ника. – Как раз к лету управятся. Мы же не являемся на вечера встреч, вот и пришлось поручить это дело спецслужбам.

Сашка с готовностью залилась своим незабываемым звонким смехом, подтолкнула Веронику плечом, но потом снова сделалась серьезной:

– Нет, серьезно, ну что еще может связывать нас троих с Алькой? Мы рядом-то вместе только на физкультуре да на школьных линейках стояли.

– Не знаю, – вздохнула Вероника. – Не представляю. Давай и вправду не будем пока заикливаться.

В своем номере Ника сразу легла на кровать и закрылась с головой покрывалом. Она скоро задремала и даже увидела сон. Но успокоения этот короткий сон ей отнюдь не принес...

Ей приснилось, что она идет по главной улице городка, в котором училась в седьмом классе. Улица довольно широка и упирается в церковь, большую, с пятью куполами. Церковь действующая, и потому отгорожена от мира высоким штакетником. Справа от Вероники – книжный магазин, в котором она всегда покупает открытки для своей коллекции. В спину ей смотрит здание интерната, а за ним – крыша школы, из которой она только что вышла.

Какие-то незнакомые школьники выходят из книжного магазина, смотрят на Веронику и начинают подталкивать друг дружку локтями. Потом один спрыгивает со ступенек, загораживает Нике проход и петушиным фальцетом кричит:

– Палочка за Стасю! Палочка за Стасю!

Вероника обеими руками толкает крикуна в грудь, перебегает на другую сторону тротуара и поворачивает в сторону школы. И вдруг видит: на пути у нее стоят мужчина и женщина. Они держатся друг за друга, и на узком тротуаре их почти невозможно обойти. Вероника пытается, но чужие руки вцепляются ей в одежду, не дают ступить ни шагу.

«Где Стася? Где Стася?» – плачет и повторяет женщина, приближая к Нике свое сухое изможденное лицо.

«Вернись в школу, найди Стасю!» – вторит ей мужчина.

Вероника приседает на корточки, обхватывает голову руками и пронзительно кричит...

Ее растолкала Сашка, сказала испуганно:

– Ты так кричала! Я в соседнем номере услышала и прибежала. Что тебе приснилось?

– Будто меня окружает толпа и требует сказать, где Стася, – прохрипела Вероника. Голос оказался сорван, горло саднило.

Сашка принесла ей воду в стакане, присела рядом и жалостливо вздохнула:

– Да, тебе тогда больше всех досталось.

– Разве вам – нет?

– Ну, понимаешь, мы все-таки были свои, а ты – приезжая, значит – чужая.

– А я думала, потому, что это я тогда предложила сыграть в эту дурацкую игру.

– Что ты?! – даже испугалась Сашка. – Кто об этом знал? Мы никому не говорили, никому из ребят, я имею в виду. И вообще, это не имеет никакого значения.

Немного посидели в молчании.

– Вот ты живешь все в том же городе, – задумчиво произнесла Вероника. – Скажи, ты слышала хоть что-нибудь о Стаське?

Сашка тут же сникла, помотала головой:

– Нет, никогда и ничего. А когда нашу бывшую школу превращали в этот самый супер-пупер-вип-лицей, ее ведь почти по кирпичикам перебрали, понимаешь?

Вика кивнула. Саша посмотрела на часы и заторопилась:

– Все, собирай вещи, а то Юлька будет бухтеть. Скоро нужно выезжать.

В аэропорту к ним подошел человек в лыжном свитере, протянул стопку паспортов со вложенными в них билетами. Вероника сильно вздрогнула, ноги стали ватными, в голове зашумело. Впервые она увидела ОДНОГО ИЗ НИХ. И так буднично, без всякого предупреждения. Мало что соображая в этот миг, она шагнула вперед, но Сашка тут же вцепилась ей в руку.

– Не нужно, – зашептала она. – Он все равно ничего тебе не скажет. У нас с Юлькой не принято с ними разговаривать. Они – сами по себе, и мы – сами по себе.

– Ничего себе – сами по себе!

– Но ведь он тоже на кого-то работает. А до этого кого-то нам – как до луны! Зачем же нервы тратить?

Замерев, Ника пристально смотрела на мужчину. Он немного проводил их, даже помог нести вещи. А перед таможней встал не рядом с ними, а в соседнюю очередь. Ему на вид было лет тридцать пять. Обычное, даже симпатичное лицо со следами сильной усталости, оцепеневший, в одну точку, взгляд.

«И такой мог хладнокровно похитить и убить моих детей, если бы я отказалась сотрудничать с ними», – терзала себя Вероника.

В самолете они втроем сели рядом, мужчина – в хвосте. Кажется, он был не один – рядом с ним маячил какой-то молодой типчик в строгом костюме. Но Вероника не посмела спросить об этом приятельниц, которые нарочито не глядели в сторону сопровождающих. Вероника поняла: за дни несвободы у них выработалась особая внутренняя этика в отношениях со своими тюремщиками.

Во время полета листали досье. Впрочем, Юлька скоро потеряла к нему интерес.

– Совершенно заурядная жизнь. Все как у нас, за исключением регулярных походов в мечеть и количества детей. Никаких скелетов в шкафу.

– Как и у нас, – вставила Сашка.

Вероника осторожно заглянула в папку, полистала, а потом спросила:

– А вы заметили, девочки, одну странность? О наших школьных годах написано очень подробно. Ну, по крайней мере, у меня и Альки, в ваши я не заглядывала. Вот, даже указано, что экзамены Алия не сдавала, потому что болела много в восьмом классе. А потом уже начинается схема, общие сведения. У меня подробно была описана моя учеба в институте, смерть родителей, первое замужество и развод. Потом я вышла за Андрея, мы почти сразу поселились во Франции, и тут недреманное око явно меня потеряло.

– И что с того? – спросила Юлька. – Очевидно, что в России за тобой присматривать легче, чем за границей.

– Вот! – воскликнула Вероника. – Получается, кто-то наблюдал за мной задолго до всей этой нынешней истории! Причем любовно наблюдал, как будто роман о моей жизни задумал писать! Потом немного потерял из виду, а когда пришел срок – наскоро собрал недостающие сведения!

– Господи! – ахнула Сашка. – У нас ведь то же самое. Только мы никуда не уезжали из России, и все сведения равноценны. Получается, мы все эти годы были под колпаком?!

Вопрос повис в воздухе. Ника покосилась на Юлию и отметила, что у той лицо свело от напряжения. Юлька со школы ненавидела вопросы, на которые не знала ответа, – если такие вопросы вообще существовали в природе. Но этот вопрос был именно таков – и Ника впервые за много лет от души пожалела бывшую одноклассницу.

– Хватит глупости болтать! – разрушила до основания приступ сочувствия Юлия. – Ты лучше думай, как мы эту правоверную идиотку будем отлавливать и вербовать!

– Я должна думать?!

– Не ты, не ты, – тут же вмешалась Сашка. – Все придумают без нас, разве что Юля внесет свои коррективы. Ты вообще не думай пока об этом.

Вероника отвернулась к окну и стала смотреть, как далеко под ними кучкуются облака. Где-то там, в Германии, был Андрей. Господи, пусть же произойдет чудо, пусть Андрей спасет ее от этих страшных людей, и от бывших одноклассниц, и от черных подозрений! И от ненужных воспоминаний – если это возможно.

Франкфурт-на-Майне встретил их ярким солнцем и морозной прозрачностью воздуха. Человек в свитере доставил их в отель и даже пожелал спокойной ночи. Голос у него оказался неожиданно зычный – будто в бутылку говорил. А наутро после завтрака состоялся первый для Вероники инструктаж.

– Ну, Вероника Сергеевна, очень приятно с вами познакомиться, – первым делом обратился к ней мужчина. – Сожалею, что при таких обстоятельствах... Впрочем, не будем терять время.

И заерзал на стуле, двигая его к столу. Женщины тоже расселись: Саша с Никой на подоконник, Юлия – в изножье кровати.

– Позднее мы с вами ситуацию подробно отработаем, – посулил мужчина. – Посмотрим обстановку на пленке, даже съездим к нужному месту. Так что волноваться и говорить, что это невозможно, не получится, – пока не следует. Сейчас я опишу вам схему. Вероника Сергеевна, вы говорите по-французски?

– Немножко, – сильно вздрогнув, прошептала Вероника.

– А «множко» и не надо. Теперь следите за моими руками. – Мужчина подтянул на край стола каталог с описаниями гостиничных услуг. – Вот это – детский садик для мусульманской детворы с прилегающей территорией. Работает только до обеда, разгружает многодетных мамаш, а заодно и детки получают начальные религиозные познания. Вот здесь – калитка, – на глянцевої поверхности крепкий ноготь отчертил две метки. – У этой калитки каждое утро с семи до восьми стоит заведующая садом. Принимает детишек, общается с мамашами. Вот здесь – мужчина бросил рядом с каталогом зажигалку, – будет стоять машина. За рулем – Вероника Сергеевна, в салоне – Александра Ивановна.

Получив сигнал по мобильному телефону, вы, Вероника Сергеевна, быстрым шагом подходите к заведующей и начинаете по-французски выпытывать у нее, где здесь поблизости какая-нибудь больница. Впрочем, можете говорить что угодно, потому что эта дама говорит только на немецком языке. Ну и на арабском, конечно. Слов типа «госпиталь» и «доктор» избегайте, лучше порите какую-нибудь чушь. Мешайте французские слова с русскими.

И тут к воротам подходит госпожа Хасанова. Надеюсь, она вас узнает... Но если сразу и не узнает, должна смекнуть, что вы – ее бывшая соотечественница, которая отчаянно нуждается в помощи. Она заговорит с вами по-русски. Вы узнаете ее, напомним о себе и поведаете ужасную историю: к вам во Францию приехала Афанасьева, вы отправились посмотреть Германию, и тут с Александрой случилась беда. Ну, допустим, приступ аппендицита.

– У Сашки уже был аппендицит, – немедленно вставила Юлия. – В восьмом классе.

– Да, тут я дал маху, – признал мужчина, но Вероника заподозрила, что про аппендицит-то он знает, а промашку допустил специально, ради каких-то психологических целей. – Спасибо, Юлия Львовна. Тогда пусть это будет пищевое отравление. Грим сделаем такой, что сомнений не возникнет. В результате наших совместных усилий Хасанова должна сесть в машину. Она, как известно, женщина чрезвычайно ответственная, и, вероятно, сама захочет проводить вас до ближайшего госпиталя. Или хотя бы показать дорогу по карте города, которая

будет лежать в бардачке. А дальше уже ваша задача сделать так, чтобы из машины она вышла с новыми целями и задачами.

– А если кто-нибудь запомнит номер машины? – трясась от внутреннего напряжения, спросила Вероника.

Мужчина глянул на нее, удивленно приподняв брови:

– И что с того? Мы никого не похищаем. И Алия Махмудовна в тот же день вернется домой, чтобы взять документы и объяснить родным причину своего срочного отъезда на бывшую родину.

Когда мужчина ушел, Юлия, покусывая губы, задумчиво произнесла:

– Что и требовалось доказать, девочки. Следующий пункт назначения – Россия.

– Вот и побывали за границей, – печальным эхом отозвалась Сашка.

Через два дня на рассвете зазвонил телефон и бесстрастный голос скомандовал: – Пора.

Вероника попыталась встать, но от страха тело ослабло и было невозможно оторваться от кровати. Ее подташнивало, как в те блаженные времена, когда она вынашивала своих детей. Скорчившись под одеялом, Ника шептала себе под нос:

– Не хочу, не хочу...

Потом в номер зашла Сашка, присела на край кровати, обняла ее за плечи.

– Не бойся, – зашептала она. – Не бойся. Думай о том, что через два часа все это уже закончится!

– Я не могу, Саш!

– Мне тоже очень страшно, – шептала ей на ухо Сашка. – Но мы же должны это сделать!

– Я понимаю.

– Тогда вставай, и пошли в столовую.

– Я не хочу есть! – содрогнулась Вероника. – Меня стошнит, если увижу еду.

– Ну, тогда давай просто так немного посидим, – не стала спорить Сашка.

Но долго сидеть им не пришлось. В номер заглянул человек, которого Вероника со вчерашнего дня окрестила для себя – Координатор. Наверное, он называл свое настоящее имя, но Ника его не запомнила. В руках он держал поднос с тарелками.

– Ну, что тут за саботаж? – прогудел он жизнерадостно, устанавливая поднос на тумбочку у кровати. – Поесть нужно, вам ведь за руль садиться. Вот Александру Ивановну я неволить не буду, ей все равно отравленную изображать. А вам, Вероника Сергеевна, нужно быть сильной и с хорошей реакцией.

– Я не смогу, – без всяких эмоций в голосе проговорила Ника. – Унесите.

– Еще как сможете! Ну что вы, в самом деле?! Часть пути уж пройдена, зачем сейчас-то раскисать. Через полчаса мы выезжаем.

«Полчаса! – подумала Вероника. – Еще целых полчаса!»

Но они пролетели слишком быстро.

И вот она уже сидит за рулем машины, намертво вцепившись в руль. Сзади притихла Сашка, несколько раз Вероника ловила в зеркале ее зеленое с черными провалами глаз лицо и пугалась, забывая, что это всего лишь грим.

– Ну, с Богом! – заглянул в салон Координатор. – Езжайте строго по тому маршруту, что мы с вами отработывали. Если будут какие-то изменения – позвоню. Поехали!

Вероника медленно тронулась с места. Вчера и позавчера они несколько раз проезжали по этому маршруту, но совсем к садику приближаться не стали – побоялись попасть под прицел камер наблюдения. Ника твердо помнила: сейчас она проедет по широкому оживленному проспекту, потом свернет на улицу потише, которая постепенно вольется в узкий туннель между домами. Этот туннель приведет ее к забору детского садика. Площадка перед садом совсем

маленькая, поэтому родители никогда не заезжают туда на машинах. Чужие, естественно, тоже, потому что впереди – тупик. Но запрещающего знака там почему-то нет.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.